

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РАСКОЛ «ТАБЛИГИ ДЖАМААТ»^{*}: СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕТИ

Научная статья

К.С. Мурзахалилов

Коммуникационная группа «Гуров и партнеры – Центральная Азия»

Бишкек, Кыргызская Республика

ORCID: 0000-0002-7394-7268

SPIN-код РИНЦ: 2106-2638

E-mail: murzahalilovk@gmail.com

В статье рассматривается институциональное противостояние внутри международного исламского движения «Таблиги Джамаат»^{} и его влияние на религиозное пространство Кыргызстана. Основной акцент сделан на том, что данное противоречие следует понимать не только как внутреннее разногласие между группами последователей, но, прежде всего, как кризис преемственности, управления и легитимности в транснациональном религиозном движении. Раскол анализируется через призму борьбы за право определять высший авторитет, механизмы принятия решений и нормативный порядок внутри джамаата, а также через процессы перераспределения символического влияния и религиозной легитимности в условиях глобальной фрагментации общины. Теоретическую основу исследования составляют концепции рутинизации харизмы М. Вебера и символического капитала П. Бурдьё. Их применение позволяет показать, каким образом личная репутация духовных лидеров после их смерти превращается в предмет институциональной конкуренции, а религиозные практики, такие как машвара, хуруж и поддержание связи с марказами, становятся не только формами благочестия, но и ресурсами легитимации власти. Особое внимание уделяется трансформации механизмов религиозного авторитета в условиях отсутствия единого признанного центра управления. Рассматривается формирование двух основных направлений внутри движения: линии Низамуддина, связанной с историческим центром в Дели и фигурой Мауляны Саада Кандхлави, и линии международной Шуры, ориентированной на коллегиальную модель руководства и центр в Райвинде. Особое внимание уделяется тому, как масштабное размежевание после 2014–2015 гг. отразилось на Кыргызстане, где «Таблиги Джамаат»^{*} имеет наиболее устойчивое присутствие среди стран постсоветской Центральной Азии. На основе полевых наблюдений и анализа религиозных практик делается вывод, что в Кыргызстане размежевание пока сохраняет преимущественно латентный характер, однако уже влияет на маршруты религиозной мобильности, локальные иерархии и способы признания авторитета. Исследование показывает, что кыргызстанский случай важен для понимания того, как глобальные исламские сети адаптируются к постсоветскому религиозному и правовому контексту.*

Ключевые слова: *«Таблиги Джамаат»^{*}, Кыргызстан, институциональный раскол, религиозные сети, ислам, даават, машвара, символический капитал.*

Для цитирования: *Мурзахалилов К.С. Институциональный раскол «Таблиги Джамаат»: структурный кризис транснациональной сети // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 4. С. 464–479.*

^{*} Здесь и далее упоминается организация, признанная террористической и экстремистской; запрещена в России.

**INSTITUTIONAL SPLIT OF «TABLIGHI JAMAAT»:
STRUCTURAL CRISIS OF A TRANSNATIONAL NETWORK**

Research article

K.S. Murzahalilov

Managing partner of the communications group «Gurov and Partners – Central Asia»

Bishkek, Kyrgyz Republic

ORCID: 0000-0002-7394-7268

SPIN-code RSCI: 2106-2638

E-mail: murzahalilovk@gmail.com

The article examines the institutional schism within Tablighi Jamaat and its impact on Kyrgyzstan's religious space. It argues that this split is not merely an internal disagreement among follower groups, but primarily a crisis of succession, governance, and legitimacy in a transnational religious movement. The schism is analyzed through the struggle for supreme authority, decision-making, and normative order within the Jamaat, as well as through the redistribution of symbolic influence and religious legitimacy amid global fragmentation of the movement. The theoretical framework draws on Weber's routinization of charisma and Bourdieu's symbolic capital. This shows how spiritual leaders' personal reputations after death become a subject of institutional competition, and how practices like mashwara, khuruj, and ties with markazes serve not only as forms of piety but also as resources for legitimizing power. Special attention is paid to the transformation of religious authority in the absence of a single recognized governing center. The article examines two main branches: the Nizamuddin line, linked to the Delhi center and Maulana Saad Kandhlawi, and the international Shura line, oriented toward a collegial leadership model and the Raiwind center. Particular attention is given to how the post-2014–2015 schism affected Kyrgyzstan, where Tablighi Jamaat has its strongest presence among post-Soviet Central Asian countries. Based on field observations and analysis of religious practices, the conclusion is that in Kyrgyzstan the schism remains largely latent, yet it already affects religious mobility routes, local hierarchies, and ways of recognizing authority. The study shows that the Kyrgyzstani case is important for understanding how global Islamic networks adapt to the post-Soviet religious and legal context.

Key words: *Tablighi Jamaat, Kyrgyzstan, institutional split, religious networks, Islam, dawat, mashwara, symbolic capital.*

For citation: *Murzahalilov K.S. Institutional split of Tablighi Jamaat: Structural crisis of a transnational network // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 4. P. 464–479. (In Russ.)*

Введение. «Таблиги Джамаат»^{*} занимает особое место в истории современного суннитского ислама. Возникнув в Северной Индии в 1920-е гг. в контексте деобандской реформаторской традиции, движение избрало стратегию «внутренней миссии» – обращение к самим мусульманам с призывом вернуться к подлинной религиозной практике [Metcalf, 1993]. Его организационная модель, построенная на воспроизводимых практиках хуружа (миссионерских выходов), талима (назидательных чтений) и машвары (коллективного согласования), обеспечила широкую географическую рас-

пространенность и высокую адаптивность в различных культурных условиях.

Раскол внутри «Таблиги Джамаат»^{*} особенно труден для анализа. На поверхностном уровне движение продолжает воспроизводить привычные формы амаля. Хуруж остается хуружем, таалим – таалимом, даават – дааватом. Однако при сохранении формы распадается единый режим координации [Ahmad, 2021]. Кризис проявляется не в разрушении ритуала, а в разрушении структуры признания, в конкуренции за право окончательного решения и в борьбе за монополию на определение «истинного порядка».

Разделение в среде таблиговцев следует анализировать, прежде всего, как институциональный кризис, в котором богословская риторика выполняет функцию последующей легитимации. Это не означает, что богословские аргументы были вымыслом. Напротив, в религиозных движениях именно они позволяют придать организационному конфликту язык нормативности. Но первичная логика спора находилась в иной плоскости: кто управляет движением, кто наследует авторитет старейшин, кто вправе говорить от имени всего джамаата и каким должен быть механизм высшего руководства.

Кыргызстан, будучи страной с наиболее укорененным присутствием «Таблиги Джамаат»^{*} в постсоветской Центральной Азии [Toktogulova, 2014, Balci, 2015], оказался чувствительным к глобальному расколу. В то же время в научной литературе отсутствуют работы, систематически рассматривающие проекцию этого раскола на постсоветское пространство. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

Методология и источники. Исследование основано на качественных методах анализа. В рамках кабинетного этапа проведен анализ научной литературы. Используются монографии и статьи в рецензируемых журналах на русском и английском языках. Теоретическую базу составили работы М. Вебера о рутинизации харизмы [Вебер, 2016] и П. Бурдьё о символическом капитале [Bourdieu, 1991], а также исследования исламских движений в Южной и Центральной Азии.

Полевые наблюдения автора в Кыргызстане в период с 2010 по 2025 г. охватывают гг. Бишкек, Ош, Джалал-Абад, Нарын, Талас, Каракол, а также села Чуйской, Ошской, Джалал-Абадской, Баткенской и Нарынской областей (всего более 30 населенных пунктов).

Метод включенного наблюдения применялся на пятничных проповедях и маварах (с согласия участников без фиксации личных данных). Были проведены интервью с 12 действующими участниками движения, а также с представителями Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) и правоохранительных органов.

Все интервью проводились на условиях анонимности, записи не велись, фиксировались полевые заметки. Информанты были предупреждены о целях исследования и дали свое устное согласие.

Был осуществлен анализ публицистических и новостных материалов. Данные источники используются исключительно для реконструкции общедоступных версий событий и позиций конфликтующих сторон, при этом каждая такая ссылка сопровождается критической оценкой. Судебные решения (Великобритания, Индия) цитируются по официальным публикациям.

Ввиду закрытости сообщества глубинные интервью с действующими лидерами «Таблиги Джамаат»^{*} в Кыргызстане не проводились. Этические нормы (необходимость информированного согласия, риск раскрытия идентичности) и логистические сложности (отсутствие официальных контактов) сделали невозможным прямое обращение к амирам. Кроме того, гендерный аспект исследования также был ограничен. Женские группы (мастурат) остаются малодоступными для внешнего наблюдения. Наконец, количественные оценки численности последователей отсутствуют в силу принципиальной неформальности членства. Все выводы носят качественный и интерпретативный характер.

Теоретические рамки: структурный кризис и борьба за авторитет. В работе используются два взаимодополняющих подхода.

1. Рутинизация харизмы М. Вебера дает ключ к пониманию того, почему смерть ключевых лидеров становится триггером кризиса. М. Вебер определяет харизматический авторитет как власть, основанную на признании исключительных качеств лидера, которая существует в противовес традиционному и рационально-легальному господству [Вебер, 2016]. «Таблиги Джамаат»^{*} десятилетиями функционировало как движение, в котором авторитет передавался через личное признание старших, а не через формальные процедуры. Мауляна Мухаммад Ильяс, его сын Мауляна Юсуф и последующие амиры обладали тем, что М. Вебер называл «харизматическим авторитетом». После смерти Мауляны Зубайра

(2014 г.) этот механизм дал сбой. Неформальная система старшинства, которая работала, пока все ключевые фигуры были живы и поддерживали консенсус, оказалась недостаточной. Вопрос «Кто следующий?» не имел процедурного ответа, что создало пространство для конкуренции.

При использовании веберовской концепции к исламским движениям необходимо учитывать специфику. В деобандской традиции, к которой принадлежит «Таблиги Джамаат»*, авторитет часто передается не только через личные качества, но и через родственные связи с основателем («родовая харизма»), а также через признание в качестве «носителя знания» (алим). Как показывает Меткалф, в «Таблиги Джамаат»* авторитет конструируется не столько через формальное знание, сколько через способность воплощать сунну в повседневном поведении [Metcalf, 1993].

2. Концепция символического капитала П. Бурдьё позволяет объяснить, почему борьба ведется не за формальные должности, а за ритуалы, доступ к священным местам и право определять «правильный порядок». П. Бурдьё развивает понятие символического капитала как формы власти, которая действует через признание и легитимацию, скрывая свои материальные основания [Bourdieu, 1991]. Символический капитал в «Таблиги Джамаат»* накапливается через практики, которые одновременно являются религиозными и властными: машвара (коллективное согласование), байат (присяга), участие в иджтимае, доступ к Низамуддину (Дели) или Райвинду (Пакистан). В момент раскола эти практики перестают быть нейтральными ритуалами и становятся полем борьбы. Каждая фракция стремится представить свою версию машвары как единственно правильную, а противоположную – как искажение традиции.

Происхождение, принципы и практики «Таблиги Джамаат»*. Движение основано Мауляной Мухаммадом Ильясом Кандахляви (1885–1944 гг.) в Мевате (Северная Индия) в 1926 г. Название происходит от арабского «таблиг» («доведение», «донесение»). Побуждающим мотивом было стремление вернуть под сень ислама номинальных мусульман Мевата, которых в

начале XX в. активно обращали в свою веру активисты индуизма [Курбанова, Мурзахалилов, 2025].

В отличие от политических движений того времени (Халифатское движение, Мусульманская лига), которые активно участвовали в антиколониальной борьбе [Кириллина, Сафронова, Орлов, 2020], Мауляна Ильяс сделал ставку на низовую миссионерскую работу, адресованную самим мусульманам. Его лозунг «О, мусульмане, станьте мусульманами!» точно передает суть движения, где требовалось не обращение иноверцев, а внутреннее обновление верующих.

Движение базируется на шести принципах, сформулированных еще при жизни основателя: *калима* (исповедание веры), *саяят* (молитва, совершаемая с концентрацией и смирением), *илм и зикр* (знание основ ислама и регулярное поминание Бога), *икрам-и-муслим* (уважение к мусульманам, отказ от сплетен и осуждения), *иклас-иният* (искренность намерения во всех действиях) и *тафрик-и-вакт* (разумное разделение времени между религиозными обязанностями, семьей, работой и миссионерской деятельностью) [Егоров, 2015].

Данные принципы реализуются через набор повторяющихся практик, составляющих повседневность таблигов: *даават* (приглашение к религиозному обновлению), *хуруж* (миссионерский выезд на срок от 3–40 дней до 4 месяцев), *таалим* (групповое чтение наставлений, прежде всего, сборника «Фазаил-и-амаль»), *машвара* (коллективное согласование решений), *мастурат* (формы участия женщин, включая домашние собрания и отдельные выезды), *зикр* (поминание Бога) [Eshankulova, 2022].

Особенность «Таблиги Джамаат»* – сознательный отказ от участия в политике. Данная характеристика движения как аполитичного и ориентированного исключительно на духовное возрождение встречается в работах ведущих исламоведов [Roy, 2006; Burki, 2013; Siddiqi, 2018; Lone, 2024]. Среди кыргызских исследователей аполитичный характер также получил признание [Насритдинов и др., 2019].

Эта стратегия обеспечила легитимность во многих странах, но одновременно сделала движение объектом критики, где

его нередко интерпретируют как среду скрытой радикализации [Комиссина, 2011; Сычева, 2020]. Ряд авторов характеризуют «Таблиги Джамаат»* как «питомник для индоктринации террористов»¹. Тем не менее движение по своим целям и принципам не является террористическим, и большинство исследователей сходятся на том, что оно выполняет функцию «противовеса радикальным салафитским течениям» [Мир-сайтов, 2013].

Хронология и логика институционального раскола. Нынешний раскол имеет предысторию, уходящую корнями в первые десятилетия существования движения. Уже после смерти Мауляны Мухаммада Ильяса (1944 г.) возник вопрос о преемственности, который был решен в пользу его сына, Мауляны Мухаммада Юсуфа, но вызвал недовольство части старейшин [Metcalf, 1993]. Более значимый территориальный раскол начал оформляться в 1970–1980-е гг., когда пакистанский марказ в Райвинде (основанный в 1940-х гг. как полевая штаб-квартира) приобрел большую самостоятельность. Визовые ограничения между Индией и Пакистаном, особенно после индо-пакистанских войн, сделали регулярные поездки между двумя центрами затруднительными, что привело к формированию параллельных структур координации [Balci, 2014; Reetz, 2017].

В 1990-е гг. после смерти Мауляны Инъямуль Хасана (третьего амира) вновь возникли споры о преемственности, которые были временно урегулированы, но заложили основу для будущего конфликта. Перед смертью третьего амира, Мауляны Инамула Хасана Кандхлави (1995 г.), он создал «Генеральную Шуру» из 10 человек для коллегиального выбора преемника. Од-

нако «Шура» не смогла достичь консенсуса, и на короткий период возникло фактическое троевластие (Мухаммад Саад, Зубайр уль-Хасан, Изхар уль-Хасан)². Зубайр уль-Хасан, сын Инамула Хасана, стал четвертым амиром и занимал эту позицию до своей кончины в марте 2014 г.

Как отмечает Захариас Пиери, смерть духовных лидеров традиционно становилась переломным моментом для движений, построенных на личном авторитете [Pieri, 2015]. После смерти Зубайра оставшиеся члены «Шуры» (1995 г.) – сторонники коллегиальной модели руководства предъявили права на власть, что и привело к нынешнему расколу. Таким образом, 2015 г. – не начало, а финал кризиса преемственности, запущенного двумя десятилетиями ранее.

События 2015–2020 гг. представляют собой наиболее острый эпизод в этой длительной истории институциональной нестабильности. В ноябре 2015 г. пакистанская «Аалми Шура» выпустила коммюнике, в котором настаивала на коллегиальном характере руководства³. Согласно расследованию аналитика пакистанской газеты «Dawn» Саджида Икбала, после ухода Мауляны Зубайра руководство движением переходит к коллегиальному органу, состоящему из старейшин. Ни одно лицо не может претендовать на единоличное амирство. В 2016 г. в Лондоне состоялась встреча, на которой Маулана Саад Кандхлави, согласно опубликованной аудиозаписи, заявил о своих претензиях на единоличное лидерство. Оппоненты оперативно отреагировали и обратились за фетвой в Дар уль-Улум Деобанд.

В 2016–2017 гг. в мечети Ильяса в Лондоне (Abbey Mills Mosque) произошли физические столкновения между сторонниками двух линий. В результате мечеть была временно закрыта, а лондонские центры

¹ См., напр.: Gurumurthy S. Tablighi Jamaat – its other, evil side // Vivekananda International Foundation. 2.04.2020. URL: <https://www.vifindia.org/print/7294> (дата обращения: 27.03.2026); Tablighi Jamaat and its role in the global Jihad // South Asia Democratic Forum. Brussels: 2020. (SADF Policy Brief. 2020. № 10). URL: <https://fid4sa-repository.ub.uni-heidelberg.de/4472> (дата обращения: 27.03.2026); Mohapatra N.K. Tablighi Jamaat (TJ) and Radicalization in Eurasia. Udaipur, 2024. 41 p. (Research Monograph, Usanas Foundation). URL: <https://ssrn.com/abstract=5025413> (дата обращения: 27.03.2026).

² Подробнее о событиях 1995 г. см.: Wajihuddin M. How Tablighi movement split into two groups two years ago // The Times of India. 1.04.2020. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/how-tablighi-movement-split-into-two-groups-two-years-ago/articleshow/74922079.cms> (дата обращения: 27.03.2026).

³ См.: Iqbal S. A House Divided // Dawn. 25.12.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1391624> (дата обращения: 27.03.2026).

фактически разделились на две группы¹. Из 7 крупных центров Великобритании 3 остались с Низамудином, 3 – с Аалми Шурой, а лондонский оказался внутренне разделен.

В 2020 г. индийские правоохранительные органы начали расследование против Мауляны Саада по обвинению в незаконном получении иностранного финансирования. Финансовая разведка Индии возбудила дело о легализации доходов. Следователи изучали иностранное финансирование, поступавшее в Марказ Низамуддин, и проверяли, облагались ли налогом средства, поступающие из-за рубежа². По полученной информации, к финансовым операциям были причастны трое сыновей Саада и его племянник³.

В Великобритании имущественное измерение раскола проявилось в судебном споре о праве собственности на лондонский марказ. В 2024 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса рассмотрел вопрос о принадлежности мечети местной лондонской общине либо руководству в Дьюсбери, связанному с «Аалми Шурой». Суд пришел к выводу, что имущество находится в доверительном управлении в интересах местной общины, а не централизованной структуры⁴.

¹ См.: *Iqbal S. A House Divided // Dawn*. 25.12.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1391624> (дата обращения: 27.03.2026).

² См.: *Aggarwal A. ED lodges money laundering case against Tablighi Jamaat Markaz chief // India Today*. 16.04.2020. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/ed-lodges-money-laundering-case-against-tablighi-jamaat-s-markaz-chief-1667749-2020-04-16> (дата обращения: 27.03.2026); *Venugopal V. Amid raids, complaints surface about Maulana Saad's «autocratic working, properties» // The Economic Times*. 24.04.2020. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/amid-raids-complaints-surface-about-maulana-saad-autocratic-working-properties/articleshow/75331052.cms> (дата обращения: 27.03.2026).

³ См.: *Jamaat chief's eldest son on Crime Branch radar, documents seized: Report // Hindustan Times*. 26.05.2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/jamaat-chief-maulana-saad-s-eldest-son-on-crime-branch-radar-documents-seized-report/story-EszTf9F0LdRA9Dxn537OyM.html> (дата обращения: 27.03.2026).

⁴ См.: *Mohammed & Ors v Daji & Ors. EWCA Civ 1247*. 21.10.2024. URL: <https://worldlii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2024/1247.html> (дата обращения: 27.03.2026); *Mishcon de Reya LLP. Mishcon de Reya*

Критический анализ источников по хронологии раскола. Вся приведенная хронология требует критического подхода, поскольку опирается преимущественно на заинтересованные источники. Коммюнике Райвиндской «Шуры» от ноября 2015 г. закрепляло коллегиальную модель руководства в качестве нормативного принципа движения. В отличие от этого, фетвы и разъяснения Дар уль-Улум Деобанд были направлены, прежде всего, против спорных высказываний и трактовок Мауляны Саада. Формально медресе заявляло о своей дистанции от внутреннего конфликта, однако его позиция фактически ослабляла легитимность делийского подхода. В свою очередь, заявления адвоката Мауляны Саада Фузаила Айюби выражали линию защиты Низамуддина и строились на тезисе о том, что решения в марказе принимаются через машвару с участием старейшин⁵. Следовательно, весь этот комплекс материалов следует рассматривать, прежде всего, как базу для реконструкции позиций конфликтующих сторон, а не как окончательное подтверждение фактической стороны дела. Представленная последовательность событий отражает, скорее, версии раскола, закрепившиеся в публичном пространстве, чем бесспорно установленную картину его развития. Аудиозапись, на которой Маулана Саад заявляет о единоличном лидерстве, была распространена его оппонентами, ее подлинность оспаривается сторонниками Саада. Коммюнике «Аалми Шуры» также отражает позицию лишь одной из сторон и не признается сторонниками Низамуддина.

Сравнительный анализ линий Низамуддина и «Шуры». В академической и журналистской литературе закрепилось обозначение двух фракций: индийская линия, ассоциированная с Низамудином и Мау-

acts for the successful Respondents... // Mishcon de Reya. 5.11.2024. URL: <https://www.mishcon.com/news/mishcon-de-reya-acts-for-the-successful-respondents-in-the-court-of-appeal-in-a-dispute-over-the-ownership-of-abbey-mills-mosque> (дата обращения: 27.03.2026).

⁵ См.: *Tablighi Jamaat lawyer offers defence // The Weekend Leader*. 13.04.2020. URL: <https://www.theweekendleader.com/Headlines/56225/tablighi-jamaat-lawyer-offers-defence.html> (дата обращения: 27.03.2026).

ланой Саадом Кандхлави (внуком основателя движения), и пакистанская линия, связанная с Райвиндом и международной «Шу-

рой», которую возглавляет коллегиальный орган из старейшин [Ahmad, 2021]. Различия между ними представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика линий Низамуддина и «Шуры» в «Таблиги Джамаат»*

Критерий	Линия Низамуддина (Индия)	Линия «Шуры» (Райвинд, Пакистан)
Источник легитимности	Исторический марказ (Низамуддин) и фигура амира (Маулана Саад)	Коллективное старшинство и международная «Шура»
Модель власти	Персоналистская с опорой на происхождение	Коллегиальная с распределением полномочий
Роль машвары	Консультативная, окончательное решение – за амиром	Центральный механизм легитимации решений
Тип авторитета	Централизованный, привязанный к Дели	Распределенный между региональными узлами
География опоры	Индия, некоторые центры в Великобритании, Бангладеш	Пакистан, крупные центры в Европе, ЮАР
Организационный риск	Персонализация, уязвимость при смене лидера	Фрагментация, замедление принятия решений

Table 1

Comparative characteristics of the Nizamuddin and Shura lines in Tablighi Jamaat

Criterion	Nizamuddin line (India)	«Shura» line (Raiwind, Pakistan)
Source of legitimacy	Historical markaz (Nizamuddin) and figure of amir (Maulana Saad)	Collective seniority and international «Shura»
Model of authority	Personalist, based on descent	Collegial, with distribution of powers
Role of mashwara	Advisory, final decision by amir	Central mechanism of legitimation
Type of authority	Centralized, tied to Delhi	Distributed among regional nodes
Geographical base	India, some centres in UK, Bangladesh	Pakistan, major centres in Europe, South Africa
Organizational risk	Personalization, vulnerability at leadership change	Fragmentation, slow decision-making

Главное различие заключается в системе управления. В линии Низамуддина легитимность концентрируется вокруг исторического марказа и фигуры амира, что соответствует логике сохранения единства через персонализированное руководство. В линии «Шуры», напротив, легитимность распределяется между старейшинами, а машвара рассматривается как источник нормативности. Оба направления продолжают воспроизводить даават, хуруж и другие базовые практики движения, и именно поэтому различие между ними лежит не в сфере религиозной техники, а в сфере управления.

«Таблиги Джамаат»* в Кыргызстане. Кыргызстан занимает уникальное положение в постсоветской Центральной Азии.

Степень укоренения здесь «Таблиги Джамаат»* не имеет аналогов в регионе. В отличие от Казахстана, Таджикистана и Узбекистана, где деятельность движения была официально запрещена, в Кыргызстане оно сохраняло относительную легальность [Мурзахалилов, Арынов, 2010; Рахимов, Супотаева, 2023]. Данный парадокс во многом определил специфику локальной религиозной сцены.

Как отмечает Б. Балджи, движение «Таблиги Джамаат»* выступило посредником в восстановлении исторических религиозных связей Центральной Азии с Индийским субконтинентом [Balci, 2010]. В постсоветский период движение стало одним из главных каналов реисламизации через пе-

ренос практик, авторитетов и образовательных маршрутов. В более поздней работе Б. Балджи уточняет, что именно через это движение в Центральной Азии начинают оформляться устойчивые маршруты религиозной мобильности, циркуляция идей и новые фигуры исламских авторитетов. Это превращает «Таблиги Джамаат»* из маргинального импорта в полноценного трансрегионального актора [Balci, 201].

Вскоре после обретения независимости в Кыргызстане появились бородатые, одетые в пакистанские одежды мужчины, призывающие людей к соблюдению правил и устоев, основанных на примере жизни Пророка Мухаммеда. Показательно, что первыми проповедниками были исключительно иностранцы из Шри-Ланки, Пакистана и Индии [Мурзахалилов, Арынов, 2010]. Их сопровождали местные переводчики, и именно эта связка «иностранец-переводчик» задала на десятилетия вперед механизм трансфера знаний. Изначально деятельность велась на севере страны (Чуйская область, Бишкек), но довольно быстро охватила все регионы Кыргызстана, включая малые села.

Возрастной диапазон участников, по полевым наблюдениям автора, составляет от 16 до 70 лет, хотя ядро составляют люди от 19 до 45 лет. Установить общее число последователей в Кыргызстане невозможно. Дело не только в отсутствии официальной статистики, но и в самой природе движения – принадлежность к нему не фиксируется формальными институтами, оставаясь вопросом самоидентификации и признания со стороны джамаата.

География присутствия, впрочем, поддается более определенному описанию. На основе полевых наблюдений можно утверждать, что практически нет ни одного населенного пункта – от областных центров до малых сел, – где последователи «Таблиги Джамаат»* не проводили бы проповеднической работы.

Однако возникает важный методологический нюанс: сам факт проведения «даавата» еще не свидетельствует о наличии устойчивой ячейки. Вопрос о том, что значит «быть сторонником» в контексте «Таблиги Джамаат»*, остается открытым. Регу-

лярное участие в выездах, лояльность конкретному амиру, включенность в сеть машвары или просто сочувствие – все это может служить критериями, но ни один из них не является исчерпывающим. В Кыргызстане контингент тех, кого принято относить к движению, предельно разнороден. Среди них – и занятые физическим трудом или торговлей мусульмане, и студенты, и преподаватели университетов, и бизнесмены, и публичные персоны (вплоть до известных эстрадных исполнителей), и даже действующие госслужащие (что особенно показательно в контексте формального запрета на религиозную деятельность для чиновников).

Этнический же состав, в отличие от многих других религиозных групп в Кыргызстане, монотонен. Подавляющее большинство составляют кыргызы. Представители других национальностей (узбеки, таджики, русские) встречаются лишь как исключение.

Центральным элементом деятельности «Таблиги Джамаат»* в Кыргызстане, как и в других странах, является «даават» («призыв»). Характерно, что в массовом восприятии, да и во многих экспертных описаниях, «даават» оказался редуцирован к проповедническому турне (хуружу). В реальности турне – лишь один из элементов более сложной системы. Внутри самой структуры «даават» понимается как целостный образ жизни, включающий регулярное обучение, внутреннюю дисциплину и, что принципиально, коллективное принятие решений. Именно машвара становится тем институтом, который позволяет проследить, как глобальные нормативные модели адаптируются к локальным условиям.

В ходе многолетних полевых исследований автором было зафиксировано, что машвара в кыргызстанских группах проводится, как правило, по четвергам, накануне выхода групп в хуруж. Место сбора – мечеть или частный дом – определяет местный амир. Уже в этом выборе проглядывает локальная специфика: в сельской местности чаще используются частные дома, в городах – мечети. Процедура начинается с чтения отрывков из «Фазаил-и-Амаль» (сборника наставлений, составленного основате-

лем движения). Это своего рода ритуальное закрепление единой системы отсчета, после чего старший участник формулирует повестку.

Важно, что формального голосования, как правило, не происходит. Решения достигаются через консенсус, который затем публично утверждается амиром. Те, кто не согласен с решением, могут просто не высказываться. Открытое несогласие допускается, но оно ослабляет позицию участника. Ключевым же нарушением считается публичное оспаривание уже объявленного решения или, тем более, создание параллельной группы без санкции амира. В полевых интервью респонденты квалифицировали такие случаи как «фитна» (смута, раскол) и отмечали, что нарушитель исключается из круга машвары на срок от нескольких месяцев до года [Botoeva, 2017]. Данная мера в условиях, когда социальный капитал целиком завязан на движении, оказывается крайне действенной.

Особый, пока еще не достаточно хорошо изученный пласт представляет собой женское крыло (мастурат). Как показывает К. Эшенкулова, женская активность играет основную роль в усилении ислама в семье [Eshankulova, 2022]. Это принципиально меняет исследовательскую перспективу. Речь идет не о дополнительной структуре организации, а об относительно автономном подразделении, обладающем собственной иерархией и каналами связи с южноазиатскими центрами.

Однако в отношении влияния глобального раскола на женские группы сведения остаются фрагментарными. В открытых источниках и доступных полевых данных нет свидетельств того, что разделение по линиям Низамуддина и «Шуры» затронуло мастурат в Кыргызстане столь же явно, как мужские джамааты. Остается лишь строить гипотезы. Вероятно, замкнутость женских общин, их ориентация на локальных наставниц, а также опосредованный характер участия в транснациональных сетях (через мужей и родственников) создают своего рода буфер, снижающий остроту конфликта. Впрочем, этот вопрос открыт для дальнейшего полевого изучения.

Транснациональные связи движения и их трансформация после 2014 г. (смерти Мауляны Зубайра) и последующего конф-

ликта в глобальном центре напрямую воздействуют на локальные иерархии. Однако характер этого воздействия далеко не прямолинейен. С одной стороны, по данным Министерства образования Кыргызстана, опубликованным в декабре 2025 г., в Пакистане по официальным каналам обучаются более 50 граждан республики, и все они получают образование в религиозной сфере¹. С другой стороны, как показано в докладе Булан института инноваций для укрепления мира², с 2012 г. выросло число граждан, выезжающих за рубеж для получения религиозного образования без согласования с государственными органами: по туристическим визам, личным приглашениям или через благотворительные фонды. При этом официальная статистика не отражает реальный масштаб данного процесса, поскольку никто не может точно назвать количество лиц, выехавших неофициально. Сам факт существования подобного теневого потока свидетельствует о том, что религиозные связи между Кыргызстаном и Южной Азией остаются устойчивыми, несмотря на политические изменения.

Но наиболее интересен эффект, который произвел раскол на внутреннюю конфигурацию движения. До 2014–2015 гг. местные амиры были ориентированы на Низамуддин в Дели как на единый источник авторитета. После раскола сформировалась альтернативная линия, связанная с Райвиндом и «Шурой» в Пакистане. Это привело к постепенному формированию двух параллельных потоков перемещений. Полевые наблюдения позволяют предположить, что группы, сохранившие лояльность Низамуддину, направляют участников преимущественно в Индию, тогда как те, кто принял сторону «Шуры», направляют своих участников в Пакистан.

¹ См.: Почему пакистанские студенты выбирают Кыргызстан? Интервью со специалистом // Кыргызское национальное информационное агентство «Kabar». 3.12.2025. URL: <https://ru.kabar.kg/news/pochemu-pakistanskije-studenty-vybirayut-kyrgyzstan-in-tervyu-so-specialistom> (дата обращения: 27.03.2026).

² Религиозное образование в Кыргызстане: медресе нуждаются в срочной реформе: доклад Булан института инноваций для укрепления мира. Бишкек, 2017. 31 с. URL: <https://preventionmedia.org/wp-content/uploads/2019/02/Report-in-Russian-final.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

Конкуренция за престиж проявляется в стремлении каждой из сторон приглашать проповедников из своего марказа, а также в спорах о том, какое наставление считать подлинным. Показательно, что эта конкуренция пока не переросла в открытые столкновения за контроль над мечетями, в отличие от ситуации, например, в Лондоне, где противостояние приняло публичные и острые формы. В Кыргызстане конфликт пока остается латентным, но его наличие важно фиксировать, так как он свидетельствует, что даже в движении, декларирующем единство и отказ от внутреннего дробления, глобальные расколы неизбежно проецируются на локальный уровень, перформатируя практики перемещений, иерархии и каналы легитимации авторитета.

Государственное регулирование и региональные различия. В Кыргызстане сложилась модель избирательного подхода в сфере безопасности. Государство не выводило «Таблиги Джамаат»^{*} автоматически за пределы допустимого, но сохраняло повышенное внимание к его активности. Официальная позиция заключается в том, что структурированных ячеек движения в стране нет, однако присутствуют последователи и участники проповеднической деятельности, это фиксируется в публичных заявлениях¹. В то же время в экспертных оценках отмечается усиление административного давления на традиционалистские исламские группы². Новый Закон о религии (2025 г.) подтверждает тренд на ужесточение правового регулирования³.

Региональные различия в подходе к «Таблиги Джамаат»^{*} имеют конкретную ис-

¹ См.: Масалиева Ж. В Кыргызстане нет ячеек «Таблиги джамаата», но есть последователи организации // 24.kg. 14.02.2019. URL: <https://24.kg/obschestvo/109219> (дата обращения: 27.03.2026).

² См.: Лобанова Н. Религиозный радикализм в Кыргызстане становится всё радикальнее // Центр экспертных инициатив «Ой Ордо». 16.05.2023. URL: <https://region.kg/article> (дата обращения: 27.03.2026); Масалиев Р. Мина замедленного действия для Кыргызстана // Ритм Евразии. 24.11.2022. URL: <https://www.ritimeurasia.ru/news-2022-11-24-mina-zamedlennogo-dejstvija-dlja-kyrgyzstana-63208> (дата обращения: 27.03.2026).

³ Маканбай кызы Г. Садыр Жапаров подписал закон о религии и объяснил, почему // 24.kg. 21.01.2025. URL: <https://24.kg/vlast/317479> (дата обращения: 27.03.2026).

торию, связанную с инцидентами, которые стали поводом для запретов. В Казахстане движение было запрещено в 2013 г. после того, как суд признал его экстремистским. Решение суда ссылалось на идеи, пропагандируемые группой, но не уточняло, какие именно идеи были признаны экстремистскими⁴. При этом в 2011 г. в Актобе произошел первый в истории страны теракт-самоубийство⁵, что привело к усилению контроля над всеми исламскими группами.

В Кыргызстане, где не было громких терактов с участием религиозных групп, такой логики не возникло, что объясняет разницу в правовом статусе при идентичных практиках даавата.

В Таджикистане «Таблиги Джамаат»^{*} была запрещена еще в 2006 г. решением Верховного суда. В последующие годы последователи движения неоднократно становились фигурантами уголовных дел, а в 2012 г. на фоне столкновений в Горно-Бадахшанской автономной области власти ужесточили контроль над всеми религиозными группами, ранее включенными в список экстремистских⁶. В обоих случаях запрет стал частью более широкой политики усиления контроля в сфере безопасности, развернутой после конкретных событий.

В Кыргызстане, напротив, не было инцидентов, которые можно было бы напрямую приписать «Таблиги Джамаат»^{*} и использовать для обоснования запрета⁷. От-

⁴ См.: Деятельность международной организации «Таблиги Джамаат» запрещена в Казахстане // Kazakhstan Today. 26.02.2013. URL: https://www.kt.kz/rus/state/dejateljnostj_mezhdunarodnoj_organizacii_tablighi_dzhamaat_zapreshena_v_kazahstane_1153569243.html (дата обращения: 27.03.2026).

⁵ См.: Странная вспышка терроризма в Казахстане // Азаттык Азия. 15.05.2012. URL: https://www.azattyqasia.org/a/smertnik_terrorizm_makhatov_narma_mbetov_duvanov/24581164.html (дата обращения: 28.03.2026).

⁶ См.: Салимтур М. Пока все свободны... Члены «Таблиги Джамаат» покинули тюрьму // Азаттык Азия. 6.11.2015. URL: <https://www.azattyqasia.org/a/27348766.html> (дата обращения: 28.03.2026).

⁷ См.: Элжеева К. В парламенте обеспокоены влиянием движения «Таблиги джамаат» // Азаттык Азия. 8.02.2019. URL: <https://www.azattyqasia.org/a/kyrgyzstan-tablighi-jamaat/29758426.html> (дата обращения: 28.03.2026).

существование терактов, связываемых с движением, в сочетании с более либеральным религиозным законодательством создало своего рода возможность для распространения движения. Такая перспектива, однако, начала сужаться после событий 2010 г. (межэтнический конфликт на юге) и особенно после 2025 г., когда новый Закон о религии ужесточил требования к регистрации и контролю за миссионерской деятельностью.

Судебные прецеденты в Лондоне и Индии и их возможная проекция на Кыргызстан представляют отдельный интерес. Решения судов в Великобритании и Индии по имущественным спорам внутри «Таблиги Джамаат»^{*} могут в будущем создать прецеденты, на которые будут ссылаться стороны конфликта в Кыргызстане. Хотя правовая система Кыргызстана не является прецедентной в том виде, как это принято в англосаксонской традиции, аргументы о том, что имущество, приобретенное местной общиной, не может автоматически считаться собственностью центрального марказа, уже используются в локальных спорах. В случае дальнейшего обострения противостояния за контроль над мечетями и земельными участками кыргызстанские суды могут столкнуться с необходимостью разрешать аналогичные вопросы. Данный аспект пока не получил должного внимания в исследованиях, однако представляет важное направление для последующего изучения.

«Йакын Инкар»^{} как граница радикализации «Таблиги Джамаат»^{*}.** «Йакын Инкар»^{**} не следует отождествлять с линиями Низамуддина и «Шуры». Данное движение представляет собой другую плоскость анализа, связанную не с расколом внутри глобальной структуры «Таблиги Джамаат»^{*}, а с радикализацией части последователей и их последующим обособлением. Однако в качестве примера внутренней дифференциации религиозной среды Кыргызстана этот опыт чрезвычайно показателен.

«Йакын Инкар»^{**} воспринимался властями и официальным духовенством как бо-

лее радикализованная форма религиозной жизни, ассоциированная с отказом от светского образования, неприятием государственных институтов и социальной изоляцией [Мурзахалилов, 2019]. Движение было признано экстремистским и запрещено решением суда в 2017 г. При этом эксперты оценивали численность его последователей в Кыргызстане примерно в 1000 человек². Данная группа рассматривается как ответвление таблигской среды, оформившееся в отдельную группу с более жесткими установками. Как отмечается в исследованиях, если последователи «Таблиги Джамаат»^{*} стремятся балансировать между религиозными и мирскими обязательствами, то сторонники «Йакын Инкар»^{**} выбирают путь полного ухода от социальной жизни, отказываясь от работы, светского образования и взаимодействия с государственными институтами [Кунтубаев, 2019].

Идеология группы основана на отрицании авторитета официальных религиозных институтов, включая ДУМК, и непризнании его фетв, что, по оценкам специалистов, ведет к расколу в мусульманской общине и социальной изоляции последователей³. В отличие от «Таблиги Джамаат»^{*}, которая сохраняет относительную легальность и сотрудничает с государством в противодействии радикальным группам, «Йакын Инкар»^{**} находится под постоянным контролем правоохранительных органов.

В 2026 г. масштабные оперативные мероприятия были проведены в Иссык-Кульской области, где обыски прошли по местам проживания 18 инкаровцев⁴. Одновременно с этим ДУМК сообщило о том, что более 150 последователей группы, включая

² См.: Суд запретил деятельность течения «Йакын инкар» // Азаттык. 19.07.2017. URL: <https://rus.azattyk.org/a/28625354.html> (дата обращения: 31.01.2026).

³ См.: Что известно об исламском течении «Йакын инкар». Мнение экспертов и теологов // ИА «Sputnik Кыргызстан». 16.02.2016. URL: <http://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20160216/1022458691.html> (дата обращения: 14.12.2025).

⁴ См.: ГКНБ провел обыски в домах членов РЭО «Йакын Инкар» // Vesti.kg. 2.02.2026. URL: <https://vesti.kg/proisshestviya/item/147622-gknb-provel-obyski-v-domakh-chlenov-geo-jakyn-inkar.html> (дата обращения: 20.02.2026).

^{**} Здесь и далее упоминается организация, признанная террористической и экстремистской; запрещена в России.

лидера его кыргызстанского крыла, официально отказались от идеологии «Йакын Инкар»^{**} и вернулись к традиционному исламу¹. В Таласской обл. еще 6 его членов заявили о своем выходе из организации².

Данный пример наглядно демонстрирует, что исламское поле Кыргызстана не монолитно. При анализе таблигского разногласия и более широких процессов религиозной трансформации необходимо учитывать внутреннюю неоднородность поля, наличие групп, радикализующихся в сторону изоляционизма, а также сложные взаимоотношения между различными религиозными группами и государственными органами.

Прогнозы и открытые вопросы. В настоящее время в Кыргызстане уже фиксируется наличие двух параллельных структур, ориентирующихся на линии Низамудина и «Шуры». По данным полевых наблюдений, различия между ними проявляются, прежде всего, в поведении лидеров, не признающих взаимного подчинения. Вместе с тем высокая вариативность факторов, включая позицию государства и ДУМК, не позволяет делать однозначные прогнозы.

В среднесрочной перспективе можно выделить две вероятные траектории развития ситуации.

Первая траектория связана с сохранением латентного характера раскола. Такой вариант представляется наиболее вероятным при институциональной оформленности движения в республике, доминирующей роли ДУМК как формального собственника мечетей, а также сохраняющемся неформальном характере членства в джамаате. В этих условиях обе линии могут сосуществовать без открытого организационного разрыва внутри «Таблиги Джамаат»^{*}, а их

соперничество будет проявляться, главным образом, в различии маршрутов хуружа (ориентированных на Индию или Пакистан), а также в выборе приглашаемых проповедников. При таком развитии ситуации раскол сохранится, но останется скрытым.

Вторая траектория предполагает выход раскола в публичную плоскость и его постепенную институционализацию. Этому могут способствовать ужесточение правоприменительной практики в рамках нового Закона о религии, возможная потребность неформальных групп в легализации, необходимость для отдельных общин обозначить ориентацию на один из международных центров ради получения внешней поддержки. Дополнительным фактором риска может стать конфликт между амирами в крупных городах, прежде всего, в Бишкеке, Оше или Джалал-Абаде, если предметом спора станет влияние на конкретные мечети. В таком случае не исключены реакция ДУМК, судебные разбирательства и иные формы открытого противостояния. Однако с учетом особенностей правовой и религиозно-административной системы Кыргызстана прямое воспроизведение британского сценария представляется маловероятным.

Вторая траектория более пессимистична и предполагает переход раскола в публичную плоскость. За этим может последовать эскалация вплоть до полного административного запрета движения, причем такой исход возможен даже при отсутствии террористических угроз и экстремистских проявлений с его стороны.

Данный сценарий может быть спровоцирован не внутренними противоречиями «Таблиги Джамаат»^{*}, а внешними факторами, а именно – реализацией отдельных положений нового Закона Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», который вступил в силу 1 февраля 2025 г.

На фоне ужесточения правоприменительной практики и потребности неформальных групп в легализации существует серьезный риск. Любая неподконтрольная активность последователей обеих линий может быть истолкована властями как нарушение Закона. Это, в свою очередь, при-

¹ См.: Айгыров Т. В КР более 150 последователей «Йакын-Инкара» отказались от идеологии движения // 24.kg. 23.01.2026. URL: https://24.kg/obschestvo/359064vkrbole_150_posledovateley_yakyn-inkara_otkazalis_otideologii_dvijeniya (дата обращения: 8.01.2026).

² См.: Абдуллаев А. В Таласе члены движения «Йакын-Инкар» отказались от прежних взглядов // 24.kg. 26.01.2026. URL: https://24.kg/obschestvo/359308_vtalase_chlenyi_dvijeniya_yakyn-inkar_otkazalis_otprejnih_vzglyadov (дата обращения: 28.01.2026).

ведет к волне судебных разбирательств, а затем и к решению о запрете организации.

Предложенные варианты следует рассматривать не как точный прогноз, а как аналитическую модель, позволяющую структурировать дальнейшее наблюдение за развитием ситуации.

Заключение. Фрагментация в рядах «Таблиги Джамаат»^{*} следует рассматривать, прежде всего, как институциональный кризис транснационального религиозного движения. Его ядром стала не перемена базовой миссионерской матрицы, а спор о верховном авторитете, преемственности и процедуре принятия решений. Речь идет о распаде единого режима координации при сохранении рутин воспроизводства благочестия.

Теоретически конфликт наиболее убедительно объясняется через сочетание подходов рутинизации харизмы (М. Вебер) и символического капитала (П. Бурдьё). В приложении к конкретному опыту разделения Лондонского маркази эти подходы показывают, как структурный кризис после смерти духовных авторитетов и борьба за символический центр переплетаются и создают устойчивое институциональное раз-

деление. Богословская риторика, аргументы фетв и обвинения в отклонении играли важную роль, но, прежде всего, как язык легитимации уже сложившегося институционального противостояния.

Кыргызстан в этом случае следует понимать не как внешнюю периферию, а как значимый узел присутствия «Таблиги Джамаат»^{*}. Здесь движение приобрело устойчивую социальную форму, собственный локальный язык и заметный масштаб мобилизации, подтвержденные академическими исследованиями. Именно поэтому глобальный кризис в ядре движения не мог остаться без последствий для кыргызстанского религиозного поля.

Главный вывод состоит в том, что вопрос о расколе внутри «Таблиги Джамаат»^{*} для Кыргызстана не является внешним эпизодом из жизни южноазиатских марказов. Это вопрос о том, как в постсоветском обществе перераспределяется религиозный авторитет, как локализуются глобальные исламские сети и каким образом внутренняя институциональная борьба в центре транснационального движения меняет структуру религиозного поля за его пределами.

ЛИТЕРАТУРА

- Балджи Б.* «Джама‘ат ат-Таблиг»^{*} и возрождение религиозных связей Центральной Азии с индийским субконтинентом // Восток (Oriens). 2014. № 6. С. 5–17.
- Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. 448 с.
- Егоров Е.Н.* Движение «Таблиги Джамаат»^{*}: идеология и методы деятельности на примере Кыргызстана // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2015. Т. 15. № 4. С. 101–112.
- Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // Восток (Oriens). 2020. № 2. С. 85–95. DOI: 10.31857/S086919080009038-8.
- Комиссина И.Н.* Теория и практика радикализма в «Таблиги Джамаат»^{*} // Религиоведение. 2011. № 3. С. 112–120.
- Кунтубаев А.* Секьюритизация движения «Якин Инкар»^{**} в Кыргызстане: магистерская диссертация. Бишкек: Академия ОБСЕ, 2019. URL: <https://mt.osce-academy.kg/handle/123456789/51> (дата обращения: 28.01.2026).
- Курбанова Н., Мурзахалилов К.* Ислам в истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Принт Экспресс, 2025. 342 с.
- Мирсаитов И.* Деятельность исламских организаций в южных регионах Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 4. С. 126–135.
- Мурзахалилов К.* «Йакын Инкар»^{**} в Кыргызстане: вероятность радикализации // Религиоведение. 2019. № 1. С. 127–135.
- Мурзахалилов К., Арынов М.* «Таблиги Джамаат»^{*} в Кыргызстане: анализ и прогнозы. Б.: Алтын тамга, 2010. 76 с.

Мурзахалилов К., Арынов М. Движение «Таблиги Джамаат»* в Кыргызстане: особенности деятельности и возможные последствия для развития религиозной ситуации в республике // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 3 (13). С. 185–192.

Насритдинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: анализ в пяти сферах жизни. Бишкек: САР, НИИИ, 2019. 59 с.

Рахимов К., Супотаева Д. Деятельность религиозного движения «Таблиги Джамаат»* в Кыргызстане // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 437–444.

Сычева Е.С. «Таблиги Джамаат»*: скрытая угроза // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 2. С. 88–95.

Ahmad A. Tablighi Jamaat* Schism: Responses and Changes of Its Members in Indonesia // AL-A'raf. 2021. Vol. 18. № 2. P. 215–232.

Balci B. The Jama'at al Tabligh in Central Asia – a Mediator in the Recreation of Islamic Relations with the Indian Subcontinent // The New Central Asia: The Regional Impact of International Actors. Singapore: World Scientific, 2010. P. 125–144.

Balci B. Reviving Central Asia's religious ties with the Indian subcontinent? The Jamaat al Tabligh // Religion, State & Society. 2015. Vol. 43. № 1. P. 20–34.

Botoeva A. Transnational Islamic banks and local markets in Central Asia // Islam, Society and Politics in Central Asia. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017. P. 271–288.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. 302 p.

Burki S.K. The Tablighi Jama'at: Proselytizing Missionaries or Trojan Horse? // Journal of Applied Security Research. 2013. Vol. 8. № 1. P. 98–117.

Eshankulova K. Women of Tablighi Jamaat in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2022. Vol. 41. № 3. P. 1–17.

Lone R.A. Navigating Islamophobia, COVID-19 bans and ideology: a study of Tablighi Jamaat's apolitical movement and jihad in a complex world // Contemporary Islam. 2024. Vol. 18. № 3. P. 501–517.

Metcalf B.D. Living Hadith in the Tablighi Jama'at // The Journal of Asian Studies. 1993. Vol. 52. № 3. P. 584–608.

Pieri Z.P. Tablighi Jamaat and the Quest for the London Mega Mosque: Continuity and Change. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 230 p.

Reetz D. Mediating mobile traditions: The Tablighi Jama'at and the International Islamic University between Pakistan and Central Asia (Kyrgyzstan, Tajikistan) // Transcultural Studies. 2017. Vol. 13. № 1–2. P. 123–168. DOI: 10.11588/ts.2017.1.38444.

Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. N. Y.: Columbia University Press, 2006. 320 p.

Siddiqi B. Becoming 'Good Muslim': The Tablighi Jamaat in the UK and Bangladesh. Singapore: Springer, 2018. 178 p.

Toktogulova M. The Localisation of the Transnational Tablighi Jama'at in Kyrgyzstan: Structures, Concepts, Practices and Metaphors. Bonn: Competence Network Crossroads Asia, 2014. 23 p.

REFERENCES

Ahmad A. Tablighi Jamaat* Schism: Responses and Changes of Its Members in Indonesia // AL-A'raf. 2021. Vol. 18. № 2. P. 215–232.

Balci B. The Jama'at al Tabligh in Central Asia – a Mediator in the Recreation of Islamic Relations with the Indian Subcontinent // The New Central Asia: The Regional Impact of International Actors. Singapore: World Scientific, 2010. P. 125–144.

Balci B. Reviving Central Asia's religious ties with the Indian subcontinent? The Jamaat al Tabligh // Religion, State & Society. 2015. Vol. 43. № 1. P. 20–34.

Baldzhi B. Dzhama'at at-Tablig i vozrozhdeniye religioznykh svyazey Tsentral'noy Azii s indiyским subkontinentom // Vostok (Oriens). 2014. № 6. S. 5–17. (In Russ.) [Balci B. The Jama'at al Tabligh in Central Asia – a Mediator in the Recreation of Islamic Relations with the Indian Subcontinent // The New Central Asia: The Regional Impact of International Actors. Singapore: World Scientific, 2010. P. 125–144.]

Botoeva A. Transnational Islamic banks and local markets in Central Asia // Islam, Society and Politics in Central Asia. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017. P. 271–288.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. 302 p.

Burki S.K. The Tablighi Jama'at: Proselytizing Missionaries or Trojan Horse? // Journal of Applied Security Research. 2013. Vol. 8. № 1. P. 98–117.

Egorov Ye.N. Dvizheniye «Tablighi Dzhamaat»: ideologiya i metody deyatelnosti na primere Kyrgyzstana // Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN. 2015. T. 15. № 4. S. 101–112. (In Russ.) [*Egorov E.N.* The Tablighi Jamaat Movement: Ideology and Methods of Activity on the Example of Kyrgyzstan // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 15. № 4. P. 101–112.]

Eshankulova K. Women of Tablighi Jamaat in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2022. Vol. 41. № 3. P. 1–17.

Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. Khalifatizm v panislamskom ideynom nasledii: transregional'noye izmereniye // Vostok (Oriens). 2020. № 2. S. 85–95. DOI: 10.31857/S086919080009038-8. (In Russ.) [*Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V.* Caliphate in the Pan-Islamic Ideological Heritage: A Transregional Dimension // Vostok (Oriens). 2020. № 2. P. 85–95. DOI: 10.31857/S086919080009038-8.]

Komissina I.N. Teoriya i praktika radikalizma v «Tablighi Dzhamaat» // Religiovedeniye. 2011. № 3. S. 112–120. (In Russ.) [*Komissina I.N.* Theory and Practice of Radicalism in Tablighi Jamaat // Religious Studies. 2011. № 3. P. 112–120.]

Kurbanova N., Murzakhalilov K. Islam v istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana. Bishkek: Print Ekspres, 2025. 342 s. (In Russ.) [*Kurbanova N., Murzakhalilov K.* Islam in the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Bishkek: Print Express, 2025. 342 p.]

Kuntubayev A. Sek'yuritizatsiya dvizheniya «Yakin Inkar» v Kyrgyzstane: masterskaya dissertatsiya. Bishkek: Akademiya OBSE, 2019. URL: <https://mt.osce-academy.kg/handle/123456789/51> (data obrashcheniya: 28.01.2026). (In Russ.) [*Kuntubayev A.* Securitization of the Yakin Inkar Movement in Kyrgyzstan: Master's Thesis. Bishkek: OSCE Academy, 2019. URL: <https://mt.osce-academy.kg/handle/123456789/51> (data accessed: 28.01.2026).]

Lone R.A. Navigating Islamophobia, COVID-19 bans and ideology: a study of Tablighi Jamaat's apolitical movement and jihad in a complex world // Contemporary Islam. 2024. Vol. 18. № 3. P. 501–517.

Metcalf B.D. Living Hadith in the Tablighi Jama'at // The Journal of Asian Studies. 1993. Vol. 52. № 3. P. 584–608.

Mirsaitov I. Deyatel'nost' islamskikh organizatsiy v yuzhnykh regionakh Kyrgyzstana // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2013. T. 16. № 4. S. 126–135. (In Russ.) [*Mirsaitov I.* Activities of Islamic Organizations in the Southern Regions of Kyrgyzstan // Central Asia and the Caucasus. 2013. Vol. 16. № 4. P. 126–135.]

Murzakhalilov K. «Yakyn Inkar» v Kyrgyzstane: veroyatnost' radikalizatsii // Religiovedeniye. 2019. № 1. S. 127–135. (In Russ.) [*Murzakhalilov K.* «Yakyn Inkar» in Kyrgyzstan: The Potential for Radicalization. Religious Studies. 2019. № 1. P. 127–135.]

Murzakhalilov K., Arynov M. Dvizheniye «Tablighi Dzhamaat» v Kyrgyzstane: osobennosti deyatelnosti i vozmozhnyye posledstviya dlya razvitiya religioznoy situatsii v respublike // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2010. № 3 (13). S. 185–192. (In Russ.) [*Murzakhalilov K., Arynov M.* «Tablighi Jamaat» Movement in Kyrgyzstan: Features of its Activities and Possible Consequences for the Development of the Religious Situation in the Republic // Central Asia and the Caucasus. 2010. № 3 (13). P. 185–192.]

Murzakhalilov K., Arynov M. «Tablighi Dzhamaat» v Kyrgyzstane: analiz i prognozy. B.: Altyn tamga, 2010. 76 s. (In Russ.) [*Murzakhalilov K., Arynov M.* «Tablighi Jamaat» in Kyrgyzstan: Analysis and Forecasts. B.: Altyn Tamga, 2010. 76 p.]

Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhalilov K., Myrzabayev M. Uyazvimost' i ustoychivost' molydkh lyudey v Kyrgyzstane k radikalizatsii i ekstremizmu: analiz v pyati sferakh zhizni. Bishkek: SAR, NIII, 2019. 59 s. (In Russ.) [*Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhalilov K., Myrzabayev M.* Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization and Extremism: Analysis in Five Spheres of Life. Bishkek: SAR, Research Institute, 2019. 59 p.]

Pieri Z.P. Tablighi Jamaat and the Quest for the London Mega Mosque: Continuity and Change. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 230 p.

Rakhimov K., Supotayeva D. Deyatel'nost' religioznogo dvizheniya «Tablighi Dzhamaat» v Kyrgyzstane // Postsovetkiye issledovaniya. 2023. T. 6. № 4. S. 437–444. (In Russ.) [*Rakhimov K., Supotayeva D.* Activities of the religious movement «Tablighi Jamaat» in Kyrgyzstan // Post-Soviet studies. 2023. Vol. 6. № 4. P. 437–444.]

Reetz D. Mediating mobile traditions: The Tablighi Jama'at and the International Islamic University between Pakistan and Central Asia (Kyrgyzstan, Tajikistan) // Transcultural Studies. 2017. Vol. 13. № 1–2. P. 123–168. DOI: 10.11588/ts.2017.1.38444.

Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York: Columbia University Press, 2006. 320 p.

Siddiqi B. Becoming ‘Good Muslim’: The Tablighi Jamaat in the UK and Bangladesh. Singapore: Springer, 2018. 178 p.

Sycheva Ye.S. «Tablighi Dzhamaat»: skrytaya ugroza // Islamovedeniye. 2020. T. 11. № 2. S. 88–95. (In Russ.) [*Rakhimov K., Supotaeva D.* Activities of the religious movement «Tablighi Jamaat» in Kyrgyzstan // Post-Soviet Studies. 2023. T. 6. № 4. P. 437–444. Sycheva E.S. «Tablighi Jamaat»: a hidden threat // Islamic Studies. 2020. Vol. 11. № 2. P. 88–95.]

Toktogulova M. The Localisation of the Transnational Tablighi Jama‘at in Kyrgyzstan: Structures, Concepts, Practices and Metaphors. Bonn: Competence Network Crossroads Asia, 2014. 23 p.

Weber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. T. 1. 448 s. (In Russ.) [*Weber M.* Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. Vol. 1. 448 p.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурзахалилов Канатбек Сайтмуратович, кандидат исторических наук, управляющий партнер коммуникационной группы «Гуров и партнеры – Центральная Азия» (Бишкек, Кыргызская Республика).

E-mail: murzahalilovk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kanatbek Saitmuratovich Murzahalilov, candidate of historical sciences, managing partner of the communications group «Gurov and Partners – Central Asia» (Bishkek, Kyrgyz Republic).

E-mail: murzahalilovk@gmail.com